

Уходил он в полном порядке, а вернулся в таком виде...

Харе так сильно пропах кровью, что показаться на глаза отцу в классе было невыносимо. Он решил просто перевести дух, примостившись на каменных ступенях по дороге к школе. Лишь недавно он вообще научился замечать мир вокруг. Оказалось, если вглядеться, небо каждый день меняет оттенки, облака плывут по-своему, да и солнце греет всякий раз иначе. Вот как сейчас: он сидел под прямыми лучами, но привычного тепла не чувствовал.

Холод будто выползал из самых костей. Было зябко.

— Эх... — Он уныло вздохнул, вертя в пальцах сорванный по пути колосок.

Опустил взгляд на стебелёк, и в голове вдруг стало пусто-пусто.

«Странно... Зачем я здесь уселся?»

Память словно стёрли. Харе растерянно огляделся по сторонам — эта дорога наверх казалась до боли знакомой, но мысли ускользали. Лишь мгновение спустя в сознании что-то щёлкнуло:

«А, точно. Я ведь шёл обратно...»

Он пробормотал это едва слышно, и лицо его сделалось мертвенно-бледным. Почему в ту секунду он действительно ничего не помнил? Что с ним происходит?

* «Если долго оставаться в расколотых мирах, со временем начинаешь забывать...»*

Слова, когда-то сказанные его тёмным двойником, Злым началом, вспыхнули в сознании без всякого предупреждения. Харе прошиб холодный пот: он понял, что тоже начинает терять память. Как он мог забыть об этом? Тот, другой он, ведь прямо предупреждал, что стал чудовищем именно потому, что застрял в ловушке времени.

* «Как же здесь холодно... Одному... Невыносимо холодно...»*

Очередной отголосок чужих слов эхом отозвался в мыслях, и только теперь Харе по-настоящему осознал, о каком холоде шла речь. То была не физическая стужа. Это был леденящий ужас забвения, когда ты теряешь память и вместе с ней — последнюю связь с этим миром.

Юноша вздрогнул, резко поднялся и со всех ног бросился вверх по склону. Он бежал так быстро, словно отчаянно стремился кого-то встретить, что-то доказать себе или просто уйти от преследующего его страха. Ветер свистел в ушах, нещадно хлестал по лицу, но Харе не замечал боли. В голове царил полнейший хаос. Почему всё шло гладко, а теперь покатилося

под откос? Ведь он не делал ничего необычного... Неужели раны воспалились сильнее, и это расколотое пространство начало затягивать его в свою бездну?

Он бежал без оглядки и опомнился только тогда, когда под ногами захрустела каменная плитка школьного двора.

На пустой дорожке стоял лишь Идзити Киётака. Прижимая к груди охапку бумаг, он удивлённо уставился на запыхавшегося парня.

— Харе, что с тобой? Всё в порядке?

Подросток тяжело, прерывисто дышал. Лицо его осунулось и побелело так, что даже губы потеряли всякий цвет, а одежда была покрыта бурыми пятнами. Бинты, обмотанные вокруг тела, почти полностью пропитались кровью. Глаза Харе скрывала повязка, но Идзити физически ощутил на себе его ледяной, пристальный взгляд. Словно парень перед ним мучительно пытался вспомнить, кто он вообще такой.

Этот Харе казался чужим и пугающим. Идзити покрепче прижал к себе папки. Проклятие? Болезнь? Что делать? Позвать господина Годжо? Или немедленно бежать к госпоже Сёко?

— Эм, послушай... — замямлил Идзити, теряясь под этим мёртвым взглядом.

Но прежде чем он успел договорить, молчаливый юноша вдруг расплылся в широкой, невероятно тёплой улыбке.

— Господин Идзити! Куда нести эти бумаги? Давайте я помогу!

Улыбаясь во весь рот, Харе шагнул вперёд и бережно забрал тяжёлую стопку документов. Он предусмотрительно прикрыл их полой куртки, чтобы ненароком не испачкать чужой кровью. Внутри у него разлилось облегчение:

«Слава богу... Это Идзити. Я его знаю, а он знает меня»

Идзити тоже выдохнул.

«Ну слава богу, всё с ним нормально. Наверное, просто показалось»

— Нет-нет, что ты, ты же ранен! Тебе нужно в медпункт, — опомнился вспомогательный куратор, забирая тяжёлые бумаги обратно. — Мне как раз нужно занести это госпоже Иэири, пойдём вместе, она тебя осмотрит.

— Со мной всё в порядке, — ответил Харе с мягкой улыбкой.

Но улыбка застыла на его губах. Парень опустил голову, вглядываясь сквозь повязку в верхний лист документов, которые держал Идзити.

Там ровным почерком было выведено:

* «Края раны неровные, размер варьируется, очаги точечные. Наблюдается истечение нитевидных жгутиков проклятой энергии, уходящих в неизвестном направлении. Пальпация вызывает острую боль. Обратная проклятая техника не даёт эффекта...»*

Это же... Это же описание его собственных ран!

Харе потрясённо отшатнулся.

— Пойдите, — окликнул он разворачивающегося Идзити. — Эти записи... Их попросила принести госпожа Иэири?

— А? — Идзити недоумённо моргнул, проследил за его взглядом и закивал: — Да, верно. Кое-что из этого она просила поднять из архива, а часть — её личные заметки, которые она в спешке оставила в машине, когда уезжала на вызов. Сказала, это безумно важно...

Харе уже не слушал. В его голове крутился один-единственный вопрос: почему?

Зачем тётушке Сёко расследовать природу его ран? Откуда ей вообще известно, что обратная проклятая техника здесь бессильна? Он ведь никогда не обращался к ней за лечением.

«Наверное, папа заметил раны, забеспокоился и попросил Сёко разузнать...» — подумал Харе. Но почему не спросил напрямую? Неужели это его скрытая, молчаливая забота?

Слишком много потрясений для одного дня. Голова шла кругом. Харе добрёл до общежития на автопилоте, даже забыв попрощаться с Идзити.

Он заперся в душевой и долго стоял под ледяными струями воды, вымывая запёкшуюся кровь, пока раны наконец не перестали кровить. Осушив кожу полотенцем, он аккуратно наложил чистые бинты и без сил рухнул на кровать. На следующий день всё вернулось на круги своя: тренировки, занятия, мелкие поручения. Тот кошмарный приступ забвения казался лишь дурным сном. Харе по-прежнему весело болтал со всеми, улыбался и шутил, но в глубине души принял окончательное решение.

Действовать нужно в ночь перед Ночным парадом сотни демонов.

Отец уже начал догадываться о его состоянии. Медлить нельзя, как бы больно ни было расставаться с людьми, которых он успел всем сердцем полюбить в этом мире.

Харе думал, что ведёт себя как обычно, однако друзья быстро почуяли неладное.

— Харе в последнее время сам не свой, постоянно где-то витает, — хмуро заметила Маки во время разминки на тренировочном поле. — Вчера на задании этот придурок застыл прямо посреди толпы проклятых духов! Вы, оболтусы, случайно не заставляли его рубиться в приставку до утра?

Она сделала выпад и ожгла парней суровым взглядом.

Инумаки, Оккоцу и Панда дружно замахали руками.

— Сушёная килька!

— Да нет же, мы ни при чём!

— Я сегодня утром пытался с ним заговорить, а он уставился в одну точку и вроде как даже занервничал, — Панда озабоченно почесал лапой подбородок. — Случилось чего?

— Может... дело в Сукуне? — негромко предположил Оккоцу. Он вспомнил времена, когда из-за Рики не спал ночами и ходил вечно бледным и измождённым. Вполне вероятно, что Харе сейчас переживал то же самое.

При упоминании Короля проклятий повисла красноречивая тишина. Все молча переглянулись — если замешан Сукуна, то странное поведение Харе находило логичное объяснение.

— Надо бы расспросить его поаккуратнее. Завтра этот пресловутый Ночной парад сотни демонов, который объявил Култ Древних Сказаний. С такими нервами в бой идти нельзя...

— Да он, может, просто за тебя переживает, Оккоцу.

Разговор становился всё мрачнее, но прежде чем ребята успели что-то решить, за их спинами раздался донельзя бодрый, весёлый голос вечно занятого классного руководителя:

— Оп-па, кого я вижу! Отлично, у меня к вам как раз есть дельце.

— Чёртов учитель, прекратите подкрадываться! — в один голос рявкнули перепуганные

студенты.

— Ха-ха, ладно вам! — Годжо присел перед ними на корточки и с заговорщицкой улыбкой вывалил всю правду: Ночной парад сотни демонов — это всего лишь грандиозная инсценировка, а Харе — их с Сугуру сын. И закончил он всё это широким приглашением на завтрашний семейный ужин в честь дня рождения мальчика.

Что?!

У сильнейшего шамана и лидера мятежного культа... есть ребёнок?!

Ученики застыли с разинутыми ртами, не в силах вымолвить ни слова.

— Только чур ему ни слова! Хочу устроить сюрприз, — Сатору поднялся на ноги, прижал длинный указательный палец к губам, призывая к молчанию, и буквально уплыл прочь, светясь от счастья.

Ребята так и остались стоять на месте с округлившимися глазами. Наконец, после долгой, ошеломлённой паузы, кто-то выдохнул:

— Ну, я же говорила, что он его внебрачный сын...

— Так, значит, Харе просто волнуется перед своим днём рождения?

— И всё равно... Чтобы у нашего учителя был такой взрослый сын... Это в голове не укладывается.

— Да уж...

— Лосось...

Находясь у себя в комнате, Харе действительно не находил себе места от волнения. По его первоначальному плану именно этой ночью он должен был пробудить всех подвластных ему проклятых духов, выпустить всю проклятую энергию без остатка и стереть эти расколотые миры с лица земли. Однако час назад на телефон пришло сообщение от Сатору. Тот просил его приехать вечером в Родовое гнездо клана Годжо для какого-то крайне важного разговора.

Харе мучился от нерешительности. Планы накладывались один на другой. Но если сам отец пишет, что дело не терпит отлагательств... Вдруг ему нужна помощь? К тому же Сукуна в

последнее время притих, не подавал вестей и никак себя не проявлял. На душе у Харе уже несколько дней скребли кошки, а выговориться было некому — никто в этом мире не знал его настоящей истории.

«...»

Харе взъерошил волосы, сердито глядя на экран телефона. Наконец, стиснув зубы, решился: поедет к отцу. Разница в пару часов роли не сыграет, главное — запустить процесс слияния миров до рассвета.

Написав короткий ответ папе, он помедлил, а затем открыл чат с Сукуной. Пальцы быстро набрали короткую фразу — первую за всё время их общения:

«Сукуна, я люблю тебя»

Отправил. И тут же густо покраснел, хотя проклятого короля не было рядом.

Но ведь это сообщение наверняка станет последним. Этой ночью расколотые вселенные схлопнутся, в мире Сукуны никогда не появится Харе, сам он растворится в пучинах времени, а в его родном мире от него не останется даже следа. Всё закончится.

«Пусть это будет моим прощанием...» — подумал Харе, пытаясь унять лихорадочный стук сердца.

С наступлением сумерек в Родовом гнезде клана Годжо воцарилась суматоха, но суматоха праздничная. Служанки до блеска вымели двор, а просторную комнату по соседству с покоями главы клана тщательно прибрали: расставили новую мебель, застелили свежий futon и включили отопление. Всё было готово к приёму юного господина — таков был личный приказ Сатору.

Вдоль длинных деревянных галерей, связывающих внутренние дворики, развесили новые, яркие бумажные фонари. Слуги, сгорая от любопытства и нетерпения, то и дело поглядывали на ворота, гадая, как же выглядит их молодой хозяин. Как назло, небо затянуло тучами, и пошёл мелкий, холодный зимний дождь. Домочадцы тут же заволновались: не промокнет ли мальчик по дороге? Не простудится ли?

Ожидание затянулось. Наконец в пелене дождя показался тонкий силуэт под старинным зеленоватым бумажным зонтом. Служанки тут же восторжеслись.

— Идёт! Наш молодой господин идёт!

— Глава клана, нужно ли встретить его с зонтом?

Сатору, одетый в лёгкое юката и тёмный нарядный традиционный жакет хаори, устремил взгляд своих бездонных голубых глаз на приближающуюся фигуру. Он мягко качнул головой:

— Не нужно. И помните, о чём договаривались: держите язык за зубами, чтобы не испортить сюрприз.

— Как прикажете... — Служанка убрала зонт, и в парадной зале снова воцарилась тишина.

Сатору молча наблюдал за тем, как Харе, укрывшись под зонтом, шагает по дорожке. В конце концов он не выдержал и сделал несколько шагов навстречу.

— Папа, зачем вы вышли под дождь? — спохватился Харе и попытался приподнять зонт повыше, чтобы укрыть учителя. Правда, вовремя сообразил, что на Сатору нет ни капли воды — дождь бессильно отскакивал от его невидимой Безграничности.

Сатору тепло улыбнулся и мягко забрал бамбуковую ручку зонта из рук сына.

— Не замёрз? — тихо спросил он.

Харе качнул головой. Они шли плечом к плечу под одним зонтом, укрытые от всего мира тонким куполом тишины. Юноша смотрел на знакомый сад, где прожил так долго, и чувствовал, как к глазам подступают слёзы. Он и мечтать не смел, что однажды вернётся в этот дом вместе со своим отцом.

Харе послушно шёл за отцом. В прихожей служанка тут же подала ему чашку горячего чая, чтобы согреть замёрзшие ладони, другая заботливо помогла переобуться в домашние тапочки. Всё было настолько привычным и тёплым, что парень на мгновение растерялся и даже не заметил, что комнаты украшены гирляндами.

— Проголодался? Хочешь перекусить? — спросил Сатору, подперев щеку ладонью. На его губах играла мягкая улыбка. Было видно, что он в прекрасном расположении духа.

Харе взглянул на него сквозь поднимающийся от чашки пар и машинально кивнул:

— Да, что угодно...

Свободной рукой он изо всех сил впился ногтями в ладонь, упрямо напоминая себе не расслабляться. Нельзя поддаваться этому теплу. Всё это слишком прекрасно, настолько, что его выстраданная решимость таяла с каждой секундой.

— Волосы влажные. Принесите полотенце, — распорядился Сатору, усаживаясь напротив за низкий деревянный столик, на который слуги уже выставляли изысканные сладости. Он протянул руку и ласково взъерошил влажные волосы сына.

Харе опустил голову. Сопrotивляться этой нежности было выше его сил. Сердце предательски дрогнуло. Чтобы скрыть замешательство, он отвернулся к открытой веранде, наблюдая за стекающими с крыши струями дождя, и тихо спросил:

— Папа, так о чём вы хотели поговорить?

<http://bllate.org/book/19043/2005287>